

A dramatic landscape painting. In the foreground, a man in a dark, hooded coat and a small child walk away from the viewer on a wet, stone-paved path. The path leads into a deep, misty canyon. At the far end of the canyon, a bright, golden light emanates from a high point, creating a strong vertical beam of light that illuminates the scene. The canyon walls are steep and rocky, with some sparse vegetation. The overall mood is one of hope and journey.

Отступник

Морок В. Е

Морок В.Е

Отступник

«Автор»

2026

Морок В.Е

Отступник / Морок В.Е — «Автор», 2026

Он был лучшим охотником церкви. Двадцать лет убивал нечисть. Пока однажды не стал тем, на кого охотился. Игнат не помнит, как это случилось. Помнит только лес, нож, голод — и голос в голове, который не замолкает. Он не живой и не мёртвый. Он — между. Он ест мёртвых, чтобы не есть живых. Он прячется от бывших товарищей. Он идёт — потому что не может остановиться. На его пути — мёртвые деревни, брошенные дома, люди, которые боятся и ненавидят. И те, кто идёт за ним. Молодой охотник, который хочет его убить. Женщина, которая помнит больше, чем должна. Девочка, которая не боится. И тот, кто ждал его двадцать лет. «Отступник» — это история про чудовище, которое хочет перестать быть чудовищем. Про выбор. Про вину. Про прощение. Про то, как жить, когда ты сам себе враг. И про то, что даже у тьмы есть конец — если хватит сил дойти.

© Морок В.Е, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Становление	5
Вступление	5
Глава 1.	6
Глава 2.	11
Глава 3.	14
Глава 4.	18
Глава 5.	21
Глава 6.	24
Глава 7.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Морок В.Е

Отступник

Часть первая. Становление

Вступление

Эта история началась с вопроса.

Не с большого и не с умного. С очень простого: «Что, если чудовище — это я?» Такого, который каждый из нас задаёт себе рано или поздно — шёпотом, чаще всего ночью, когда никто не слышит.

Игнат — не герой. Он убийца. Он чудовище. Он тот, кого ненавидят и боятся. Но и он когда-то был человеком. И где-то в нём — там, под голодом, под тьмой, под двадцатью годами крови — осталось что-то. Что-то, что не даёт ему упасть. Что-то, что заставляет идти.

Эта книга — не про спасение. Она про выбор. Про то, как жить, когда ты сам себе враг. Про то, как нести то, что нести невозможно. И про то, что даже у чудовища есть путь.

Она разделена на три части. Но это — одна история. Один путь. Один человек, который идёт. От тьмы — к свету. От себя — к себе.

Я не обещаю, что будет легко. Я обещаю, что будет честно.

Глава 1.

Ночь пахла мокрой землёй и дымом.

Не просто дымом — дымом сырых веток, который не греет, а только душит. Тем самым дымом, от которого слезятся глаза и першит в горле, но без которого в лесу не выжить. Игнат знал этот запах. Двадцать лет. Каждую ночь. Он уже не помнил, пахло ли что-то иначе. Может, в детстве. Может, до леса. Может, никогда.

Он сидел у костра, поджав ноги, и смотрел, как огонь лижет сырые ветки. Пламя было маленькое, жадное, злое — как всё в этом лесу. Ветки шипели, плевались искрами, и он думал о том, что если бы мог — сжёг бы себя вместе с ними. Просто поднялся бы, шагнул в огонь и стоял, пока не осталось бы ничего. Ни тела. Ни голода. Ни этого. Но не мог. И это было хуже всего.

Лес молчал. Не так, как молчат люди, когда не хотят говорить. А так, как молчит зверь, когда смотрит. Игнат чувствовал этот взгляд. Не на себе — вокруг. Лес смотрел. Всегда. Каждую ночь. Каждое утро. Каждый день. Он не боялся леса. Он давно разучился бояться того, что снаружи. Он боялся того, что внутри.

Он не помнил, когда ел последний раз. Не мёртвых — живых. Живых он не трогал. Пробовал. Один раз. В самом начале. Не пошло.

Он до сих пор помнил тот день. Первую неделю после леса. Он очнулся на земле, среди корней, весь в крови — не своей. Он не помнил, что было до. Не помнил, как оказался здесь. Не помнил, кто он. Помнил только одно — голод. Не такой, как у людей. Другой. Глубже. Злее. Такой, от которого темнеет в глазах и трясутся руки. Такой, от которого хочется рвать зубами всё, что движется.

Он вышел к деревне. Не помнил, как называлась. Маленькая, три дома, колодец. На околице играли дети. Двое. Мальчик и девочка. Лет пяти. Они увидели его — и не испугались. Дети не боятся. Они ещё не знают, чего бояться. Девочка улыбнулась. Сказала что-то. Он не слышал — в ушах стоял шум. Голод. Он шагнул к ним. Протянул руку. И тогда — что-то внутри него — остановило. Не жалость. Не совесть. Что-то другое. Что-то, что было — им. До. До всего. Он отшатнулся. Упал. Зарыдал — впервые за всё время. Дети убежали. Он остался. На земле. В грязи. В себе. С тех пор — не трогал живых. Только мёртвых. Только тех, кто уже не дышит.

Рядом, в двух шагах, лежал мужик. Мёртвый. Убитый. Не им.

Игнат нашёл его утром на тракте — горло перерезано, глаза открыты, будто он до последнего не верил, что это всерьёз. Мужик был одет в добротный кафтан, сапоги на нём были новые, а на пальце — серебряный перстень. Купец. Или приказчик. Или кто-то, кто ехал по делу и не доехал. Разбойники. Или свои. Неважно. Он был мёртв, и он был едой.

Игнат смотрел на него долго. Не потому, что выбирал. Просто смотрел. Он всегда смотрел. Перед тем как. Каждый раз. Как будто ждал, что тот откроет глаза. Как будто ждал, что

тот скажет: «Не надо». Но тот не открывал. Не говорил. Просто лежал. Мёртвый. Как все. Как всегда.

Игнат встал. Подошёл. Присел на корточки. Посмотрел на лицо. Молодое. Лет тридцати. Усы. Борода. На щеке — шрам. Откуда? Неважно. Теперь неважно.

— Ну, — сказал он тихо. — Не обессудь.

Он не ел его. Он просто сидел рядом. Потому что не мог заставить себя сделать это сейчас. Может, потом. Когда станет совсем неспособен. Когда голод станет сильнее, чем он. Когда он перестанет быть — собой.

Он вернулся к костру. Сел. Закрыв глаза.

Где-то в глубине леса завыл волк. Не один. Стая. Голоса подхватили друг друга, сплелись, пошли по кругу. Игнат не боялся волков. Волки — это просто волки. Они убивают, потому что голодны. Они не прячутся. Не врут. Не говорят себе, что они — люди. Волки честнее. Волки — не чудовища. Чудовища — это те, кто знает, что делает зло, и всё равно делает. Как он.

Голос в голове молчал. Он всегда молчал, когда волки. Как будто боялся. Как будто ждал. Как будто копил силы. Игнат знал: он заговорит. Потом. Когда волки уйдут. Когда останется только тишина. Когда он будет один. По-настоящему один. Тогда — голос. Тогда — он.

Он открыл глаза. Посмотрел на огонь. Огонь был маленький. Жадный. Как всё здесь. Он смотрел на него и думал: зачем он вообще ещё ходит? Зачем не ляжет? Зачем не сгорит? Зачем не станет тем, кем должен был стать двадцать лет назад? Трупом. Костями. Ничем.

Ответа не было. Ответ всегда приходил потом. Утром. Когда он вставал. Когда шёл. Когда не мог не идти. Потому что если остановится — сядет. Если сядет — не встанет. Если не встанет — станет. Тем. Кем боится. Чем-то, что хуже смерти. Хуже голода. Хуже всего.

— Я — Игнат, — сказал он вслух. Чтобы заглушить. Чтобы услышать. Чтобы поверить. — Я — охотник. Я — не то, что ты.

Голос в голове засмеялся. Тихо. Беззвучно. Но он услышал. Он всегда слышал.

— Ты — то, что ты делаешь, — сказал голос. — А ты делаешь то, что я говорю. И ты знаешь это. Ты всегда это знал. Ты просто прячешься. За словами. За именем. За «охотник». Но это — не ты. Ты — убийца. Ты — упырь. Ты — тот, кого ненавидят. Тот, кого боятся. Тот, кого убьют. Рано или поздно. Так зачем тянуть?

Игнат не ответил. Он просто смотрел на огонь. Огонь трещал. Ветки шипели. Волки были. Лес смотрел. И всё это — было. Как всегда. Как будет. Как было.

Он сидел. Ждал утра. Утро придёт. Всегда приходит. Даже сюда. Даже в лес. Даже к нему. Он встанет. Пойдёт. Дальше. Куда — не знает. Зачем — не знает. Но пойдёт. Потому что иначе — нельзя. Потому что если не пойти — остаться. А остаться — это смерть. Не его. Чужая. И это — хуже.

Он закрыл глаза. И стал ждать.

Утро пришло серым.

Не светлым, не золотым — серым. Как всё здесь. Туман поднялся от земли, густой, тяжёлый, как будто лес выдохнул за ночь всё, что накопил. Он стоял между деревьями, висел на ветках, стелился по мху. Игнат открыл глаза и не сразу понял, где он. Первые мгновения после сна всегда были такими — пустыми. Как будто он только что родился. Как будто ничего не было. Ни леса. Ни голода. Ни двадцати лет. Просто — утро. Просто — он. Просто — тишина.

Потом пришло остальное. Всегда приходило. Как вода в лодку. Медленно. Но неотвратимо. Голод. Не сильный. Терпимый. Пока. Но он знал: к вечеру станет хуже. К ночи — невыносимо. К утру — всё. Так было всегда. Так будет. Пока он не поест. Или пока не найдёт того, кого ищет.

Он встал. Размял затёкшие ноги. Тело слушалось плохо. Не потому, что устал — он не уставал. Просто тело было — чужое. Всегда. Двадцать лет. Как будто он надел его, как рубаху, и рубаха — мала. Жмёт. Давит. Не даёт дышать. Но и снять нельзя. Потому что под ней — ничего. Пустота. Тьма. То, чем он стал.

Он посмотрел на мужика. Тот лежал там же. Не убежал. Не встал. Не открыл глаза. Просто лежал. Мёртвый. Как все. Игнат смотрел на него долго. Потом подошёл. Присел. Посмотрел на лицо. На усы. На бороду. На шрам. На перстень. На всё, что было — жизнью. А теперь — ничем.

— Ладно, — сказал Игнат. — Потом.

Он не стал его есть. Не сейчас. Не мог. Не потому, что жалел. Жалость — для живых. Он не жалел. Он просто не мог. Что-то внутри — держало. Что-то, что было — им. До. До всего. Оно говорило: «Не сейчас. Может, никогда. Может, потом. Но не сейчас». И он слушал. Потому что это — единственное, что осталось. Единственное, что было — его.

Он пошёл по тракту. Впереди, версты за две, была деревня. Он знал это. Он был здесь раньше. Тогда — охотником. Когда носил нож. Когда не боялся. Когда убивал — по праву. Или думал, что по праву. Теперь — никем. Теперь — тем, кого убивают.

Тракт был старый. Разбитый. Колеи — глубокие, грязные. По бокам — кусты. Мокрые. Серые. Как всё. Игнат шёл. Не спешил. Он никогда не спешил. Спешка — для живых. У мёртвых — время. Много. Слишком. Он шёл и смотрел. На кусты. На траву. На небо. На всё, что было — вокруг. Он давно перестал видеть красоту. Не потому, что её нет. Потому что он — не видит. Как слепой. Как мёртвый. Как тот, кто потерял — себя.

Деревня называлась Гнилые Дворы. Название было честное. Он помнил её. Смутно. Как сон. Дома кривые, заборы покосившиеся, колодец — один на всех, и тот с гнилой водой. Жили здесь лесорубы, смолокуры и те, кому больше негде было жить. Церкви не было. Поп приезжал раз в год. Крестил младенцев, венчал молодых, отпевал мёртвых. И уезжал. Здесь никто не оставался. Даже поп.

Игнат вошёл в деревню на рассвете. Туман ещё не ушёл. Он висел между домами, как дым. Его никто не встретил. Собаки не лаяли. Дети не бегали. В окнах — тишина. Он остановился посреди улицы. Прислушался.

Ничего.

Потом он увидел дым. Не из труб. Из-под земли. Из погреба. Дым был чёрный, густой, и пахло не дровами. Пахло мясом. Не жареным. Другим. Тем, что он знал. Тем, что он сам — чувствовал. Когда-то. Давно.

Игнат подошёл ближе. Погреб был открыт. Внутри — темно. Он заглянул. И увидел.

Там сидели люди. Человек десять. Взрослые, дети. Они смотрели на него. Молча. И в их глазах не было страха. Было что-то другое. Что-то, что он знал слишком хорошо. Отчаяние. То самое. Когда уже неважно. Когда уже всё равно. Когда уже — не живёшь. А — ждёшь. Чего угодно. Даже смерти. Даже его.

Он понял, что здесь произошло. И понял, что уже поздно. Всегда поздно. Всегда. Когда он приходит — уже поздно. Он — не спасает. Он — приходит после. Как ворон. Как смерть. Как всё, чем он стал.

— Кто из вас? — спросил он.

Никто не ответил. Они просто смотрели. Молча. Как лес. Как всё. Как всегда.

Он спустился в погреб. Люди расступились. Медленно. Тихо. Как вода. В углу, на соломе, лежал мальчик. Лет двенадцати. Мёртвый. Глаза открыты. Горло перерезано. Кровь уже запеклась. Тёмная. Почти чёрная. Как всё здесь.

Игнат присел рядом. Посмотрел на мальчика. На лицо. На руки. На рану. На всё, что было — жизнью. А теперь — ничем. Потом посмотрел на людей. Потом опять на мальчика.

— Он был первым? — спросил он.

Женщина, стоявшая ближе всех, кивнула. Она не плакала. Она уже не могла. Слезы — для живых. Она — не жила. Уже давно. Может, с того дня, как мальчик взял нож. Может, раньше. Может, всегда.

— Кто его? — спросил Игнат.

— Он сам, — сказала женщина. Голос был ровный. Пустой. Как всё. — Сам себя. Чтобы нас не трогали.

Игнат закрыл глаза. Долго сидел. Молча. Потом открыл. Посмотрел на мальчика. На нож, лежавший рядом. На кровь. На всё. Потом встал. Посмотрел на людей. На женщину. На детей. На всех, кто был — здесь. Кто остался. Кто ждал. Кто — не умер. Пока.

— Кто из вас видел упыря? — спросил он.

Никто не ответил. Но женщина снова кивнула. И показала рукой. В сторону леса. Туда, откуда он пришёл. Туда, куда шёл. Туда, где — всё. Где — всегда. Где — конец.

Игнат вышел из погреба. Вдохнул утренний воздух. Он был холодный. Сырой. Как всё. Он посмотрел на лес. На туман. На всё, что ждало. Потом посмотрел на себя. На руки. На ладони. На пальцы. Потом — на мальчика. На то, что он сделал. На то, что он — не сделал.

— Я найду его, — сказал он тихо. Не им. Себе.

И пошёл. В лес. В туман. В себя. В то, что было. В то, что будет. В то, что — есть.

Голос в голове — тот, который всегда молчал, когда люди. Когда боль. Когда смерть. — заговорил. Тихо. Но внятно.

— Ты найдёшь, — сказал он. — Но не его. Себя. Всегда — себя. Всегда — тебя. Всегда — мы.

Игнат не ответил. Он просто шёл. Вперёд. В туман. В лес. В никуда. В себя. Как всегда. Как будет. Как было.

Глава 2.

Лес принял его молча.

Не так, как принимают гостя — с шумом, с движением, с жизнью. А так, как принимает смерть — тихо, неизбежно, без слов. Игнат вошёл под сень деревьев и почувствовал: что-то изменилось. Не в лесу. В нём. Как будто он перешёл черту. Туда, откуда нет возврата. Туда, где всё, что было раньше, — не имеет значения. Где важно только одно: идти.

Тропа была едва заметна. Не человеческая — звериная. Её протоптали копыта, лапы, когти. Не ноги. Люди здесь не ходили. Люди боялись. И правильно. Он шёл по ней. Медленно. Осторожно. Не потому, что боялся. Просто привычка. Двадцать лет. Каждый шаг — как последний. Каждый вдох — как первый. Так учили. Давно. Когда он был — другим.

Ветки хлестали по лицу. Мокрые. Холодные. Как всё. Он не замечал. Он думал о мальчике. О том, как тот сидел в погребке. Как смотрел. Как держал нож. Как резал. Себя. Своё горло. Свою жизнь. Ради других. Ради тех, кто остался. Ради тех, кто — не он.

Он думал: почему? Почему мальчик сделал это? Ему было двенадцать. Двенадцать. В двенадцать лет не думают о смерти. В двенадцать лет думают о другом. О играх. О друзьях. О том, что будет завтра. Не о ноже. Не о крови. Не о конце.

Но мальчик думал. Мальчик знал. Мальчик видел. Он видел, что будет. Что придут. Что убьют. Что не пощадят. И он решил. Сам. Один. В двенадцать лет. Он решил, что его жизнь — меньше, чем их. Что он может отдать. Что он должен. И отдал.

Игнат не понимал. Он не понимал, как можно. Как можно взять нож. Как можно резать. Как можно — не бояться. Он боялся. Всегда. Двадцать лет. Каждую ночь. Каждое утро. Каждый вздох. Он боялся. Не смерти. Жизни. Того, что будет. Того, что он сделает. Того, чем станет. Мальчик не боялся. Мальчик — знал. Мальчик — выбрал. А Игнат — нет. Игнат — просто жил. Как зверь. Как упырь. Как все. Как всегда.

Он остановился. Прислушался. Лес молчал. Но не так, как раньше. Другое молчание. Плотнее. Гуще. Как будто кто-то смотрел. Не лес. Кто-то другой. Кто-то, кто был — здесь. Давно. Всегда. Кто-то, кто ждал.

Он пошёл дальше. Быстрее. Не потому, что спешил. Потому что чувствовал: надо. Надо идти. Надо найти. Надо — успеть. Хотя куда успеть? Кого спасти? Мальчик — мёртв. Деревня — опустошена. Все — ушли. Или умрут. Или — станут. Как он. Как все. Как всегда.

К полудню он вышел к реке. Вода была чёрная, как смоль, — торфяная. Она не отражала небо. Не отражала свет. Не отражала ничего. Просто текла. Медленно. Тихо. Как время. Как жизнь. Как всё. На другом берегу, среди сосен, стояла изба. Кривая, вросшая в землю, с забитыми досками окнами. Как будто она не хотела смотреть. Как будто она знала. Как будто она — ждала.

Игнат остановился. Он знал это место. Знал, кто здесь живёт.

Ведун. Старик по имени Спрота. Когда-то он был волхвом. Потом — знахарем. Потом — никем. Церковь сожгла его капище, но самого не тронула. Побоялась. Или не захотела. Или — не смогла. Он жил здесь один. Сюда приходили те, кому больше некуда было идти. Кто потерял всё. Кто — не жил. Кто — ждал. Игнат приходил сюда дважды. Оба раза — по делу. Оба раза — уходил ни с чем. Спрота не помогал. Спрота — говорил. Правду. Которая не помогала. Которая — ранила. Которая — оставалась.

Игнат перешёл реку вброд. Вода обожгла ноги — холодная, как лёд. Он не почувствовал. Он давно не чувствовал холода. Ни жара. Ни боли. Ничего. Только голод. Только тьму. Только — себя. Он подошёл к избе. Стучать не стал. Просто открыл дверь.

Внутри пахло травами, дымом и чем-то старым. Чем-то, что было — до. До всего. До леса. До ножа. До голода. Чем-то, что было — жизнью. Спрота сидел у печи. Слепой. Совсем седой. Он не обернулся. Просто сказал:

— Игнат.

— Как ты узнал?

— По запаху. Ты пахнешь мёртвым. Всегда пахнул. Даже когда был живым.

Игнат закрыл дверь. Прошёл. Сел на лавку. Спрота не двинулся. Его руки лежали на коленях. Пальцы были скрюченные, как корни. Он был стар. Очень стар. Как лес. Как время. Как всё. Игнат смотрел на него. Молча. Он не знал, что сказать. Он никогда не знал. Он просто — приходил. И слушал. И уходил.

— Зачем пришёл? — спросил старик.

— Ты знаешь, кто меня укусил.

— Знаю.

— Скажи.

Спрота молчал. Долго. Так долго, что Игнат подумал: не ответит. Потом повернул голову. Его глаза были белые, как молоко. Слепые. Но Игнат чувствовал: он видит. Всё. Всегда. Как лес. Как время. Как всё.

— Ты уверен, что хочешь знать? — спросил Спрота.

— Да.

— А если это не то, что ты думаешь?

— Мне всё равно.

— Тогда слушай.

Старик откинулся назад. Закрыв глаза. И заговорил. Тихо. Медленно. Как будто читал по памяти то, что читать не хотел. То, что помнил. То, что — нёс.

— Двадцать лет назад в этих лесах жил упырь. Старый. Очень старый. Он не убивал людей. Он просто жил. Пил кровь у скота. Иногда — у мёртвых. Он не хотел никому зла. Он хотел только одного — покоя. Того, что было. До. До всего. До него. До них. До всех.

Игнат слушал. Он не помнил, чтобы слышал эту историю раньше. Но что-то в нём — отзывалось. Что-то, что было — глубже. Дальше. Темнее.

— Церковь послала охотника, — продолжал Спрота. — Лучшего. Того, кто убил трёх ведьм за одну ночь. Того, кто сжёг капище и не дрогнул. Того, кого звали Игнат.

Игнат замер. Не двинулся. Не вздохнул. Просто — замер. Как камень. Как дерево. Как время.

— Ты убил его, — сказал Спрота. — Ты нашёл его в берлоге. Он не сопротивлялся. Он просто смотрел на тебя. И ты убил его. А потом... потом ты ушёл. И через три дня тебя нашли в лесу. Укушенным. Но не мёртвым.

Игнат сидел неподвижно. Он не помнил этого. Совсем. Двадцать лет назад. Он помнил только, как очнулся в лесу. Один. С голодом. С этим голодом. И с тех пор — всё. Всё, что было — после. А до — нет. Пустота. Тьма. Ничего.

— Это не он тебя укусил, — сказал Спрота. — Это ты его убил. И стал им.

Игнат встал. Медленно. Посмотрел на старика. На слепого. На седого. На того, кто — знал. Кто — всегда знал. Кто — ждал.

— Ты врёшь.

— Я не вру. Я слишком стар, чтобы врать. Я говорю то, что было. Ты убил упыря. А потом сам стал упырём. Потому что не смог умереть. Потому что ты выбрал жить. И теперь ты живёшь. Так, как живут упыри.

Игнат молчал. Голос в голове — тот, который всегда молчал в такие моменты, — вдруг заговорил. Тихо. Но внятно.

— Он прав. Ты знаешь это. Ты всегда знал.

Игнат не стал слушать. Он вышел из избы. Хлопнул дверью. И пошёл обратно к реке.

Спрота не окликнул его.

Глава 3.

У реки Игнат остановился.

Он не знал, зачем. Просто ноги сами встали. Может, потому что вода. Может, потому что тишина. Может, потому что впервые за долгое время ему нужно было — подумать. Не идти. Не бежать. Не прятаться. Просто — стоять. И думать.

Он смотрел на воду. Чёрная, торфяная. Она не отражала небо. Не отражала деревья. Не отражала его. Просто текла. Медленно. Как время. Как жизнь. Как всё. Он наклонился. Посмотрел вниз. И увидел — себя.

Не отражение. Тень. Тёмное пятно на чёрной воде. Оно двигалось. Медленно. Как будто жило. Как будто смотрело. Как будто — знало. Он смотрел на него. Долго. Оно смотрело на него. И не отводило глаз.

Он не помнил, когда последний раз видел себя. По-настоящему. Не в воде. Не в тени. Не в чужих глазах. А — в зеркале. Или в окне. Или в чём-то, что отражает. Он не помнил. Может, годы. Может, десятилетия. Может, никогда. Он не знал, как выглядит. Не знал, как выглядит его лицо. Не знал, кто он — снаружи. Только внутри. Только голод. Только тьма. Только — всё.

Он посмотрел на тень. На то, что было — им. И не узнал. Это было лицо. Человеческое. Но не его. Чужое. Как будто кто-то надел его маску. Или как будто он сам — надел чужую. Давно. И забыл снять. И теперь — не помнил, каким был. До. До всего. До леса. До ножа. До голода. До — себя.

— Кто я? — спросил он вслух.

Голос в голове ответил. Тихо. Но внятно. Как всегда. Как будет. Как было.

— Ты — тот, кто убил себя, чтобы жить. И теперь ты живёшь. Разве этого мало?

Игнат закрыл глаза. Долго стоял. Он не знал, что ответить. Он не знал, что думать. Он не знал — ничего. Он просто стоял. На берегу. У чёрной воды. У чёрной тени. У чёрной жизни. И ждал. Чего — не знал. Но ждал. Как всегда. Как будет. Как было.

Потом он открыл глаза. Посмотрел на лес. На тропу. На избу Спроты — оставшуюся позади. На всё, что было — там. И на всё, что было — впереди. Он не знал, куда идти. Но знал, что не вернётся. К Спроте — нет. В деревню — нет. В город — нет. Он пойдёт дальше. Куда — неважно. Важно — идти. Потому что если остановится — сядет. Если сядет — не встанет. Если не встанет — станет. Тем. Кем боится. Чем-то, что хуже. Хуже всего. Хуже — себя.

Он пошёл. Вдоль реки. На север. Туда, где, как говорили, живут люди, которые не боятся упырей. Потому что сами — не лучше. Туда, где, как говорили, есть тот, кто знает. Кто помнит. Кто — видел. Туда, где, как говорили, — конец. Или начало. Или всё. Или — ничего.

Он шёл долго. День. Ночь. День. Лес не менялся. Или менялся, но он не замечал. Деревья — те же. Мох — тот же. Тишина — та же. Только голод — сильнее. Он чувствовал его. В груди. В горле. В руках. Он знал: скоро. Ещё день. Может, два. И тогда — всё. Тогда — или есть. Или умереть. Или — стать. Тем. Кем боится. Чем-то, что хуже. Хуже всего.

Он вышел к деревне на закате.

Не к той, что была раньше. Другой. Маленькой. Пять домов. Озеро. Чёрное. Тихое. Как всё. Он остановился. Прислушался. Ничего. Ни собак. Ни людей. Ни жизни. Только дым. Один. Из одной трубы. Живой.

Он вошёл в деревню. Медленно. Рука сама потянулась к поясу — к тому месту, где когда-то висел нож. Ножа не было. Он потерял его много лет назад. Но привычка осталась. Привычка — это всё, что остаётся. Когда теряешь всё остальное. Привычка — это память. Без памяти.

Он прошёл мимо первого дома. Второго. Третьего. Никого. Ни звука. Ни движения. Только вода в озере — чёрная, гладкая, как зеркало. Только дым — из трубы. Только — тишина. Живая. Как будто кто-то смотрел. Из-за окон. Из-за дверей. Из-за — себя.

Потом он увидел девочку.

Она сидела на камне у воды. Лет семи. В белой рубаше. Босая. Смотрела на озеро. И не двигалась. Игнат подошёл ближе. Остановился в двух шагах. Она не обернулась. Как будто ждала. Как будто знала. Как будто — всегда была. Здесь. На этом камне. У этого озера. В этой тишине. В этом мире. В этом — всё.

— Ты живая? — спросил он.

Она медленно повернула голову. Посмотрела на него. Глаза были серые. Как у всех. Но в них было что-то. Что-то, чего он не ожидал. Спокойствие. И знание. Такое, которое бывает не у детей. Такое, которое бывает — у тех, кто уже умер. Или — у тех, кто ещё не родился. Или — у тех, кто между. Как он. Как все. Как всегда.

— Ты — упырь, — сказала она. Не вопросом. Просто сказала. Как факт. Как правду. Как всё.

Игнат не ответил. Он не привык, чтобы дети говорили с ним так. Чтобы дети — не боялись. Чтобы дети — знали. Чтобы дети — были. Как она. Как все. Как всегда.

— Я знаю, — сказала девочка. — Я вижу. Ты не первый.

— Кто здесь ещё?

— Никого. Все ушли.

— Куда?

— В озеро.

Игнат посмотрел на воду. Чёрная. Гладкая. Тихая. Как смерть. Как жизнь. Как всё.

— Зачем?

— Чтобы не стать такими, как ты.

Игнат молчал. Он смотрел на озеро. На воду. На себя. На то, чем он был. Чем стал. Чем — будет. Девочка встала. Подошла к нему. Ближе, чем он хотел. Так близко, что он почувствовал её запах. Тёплый. Живой. Как всё, чего он не чувствовал. Давно. Никогда. Всегда.

— Ты не должен бояться, — сказала она. — Ты уже не можешь причинить мне вред. Я уже не боюсь.

— Почему?

— Потому что я — тоже.

Игнат отступил на шаг. Посмотрел на неё. На рубаху. На босые ноги. На лицо. Обычное. Детское. Тёплое. Живое. И — мёртвое. Как он. Как все. Как всегда.

— Ты врёшь.

— Нет. Я умерла вчера. Утонула. Но не до конца. Я осталась. Как и ты.

Голос в голове засмеялся. Громко. Почти радостно. Как будто ждал. Как будто знал. Как будто — всегда.

— Вот видишь? Ты не один. Я же говорил.

Игнат не слушал. Он смотрел на девочку. И думал: что делать? Убить? Она уже мертва. Уйти? Она найдёт. Остаться? С ней? Навсегда? Здесь? У этого озера? В этой тишине? В этой — смерти? В этой — жизни? В этой — всём?

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Никак.

— Почему?

— Потому что имя — для живых. А я — не живая.

Игнат сел на камень. Рядом с ней. Посмотрел на озеро. Девочка села обратно. Рядом. Они сидели молча. Долго. Озеро было тихим. Лес — тоже. Всё — тоже. Как всегда. Как будет. Как было.

Потом она сказала:

— Ты идёшь на север?

— Да.

— Я тоже. Можно с тобой?

Игнат посмотрел на неё. На ребёнка. На мёртвого ребёнка. На то, чем он сам был. И понял, что не может отказать. Не потому, что жалел. Жалость — для живых. Потому что — не мог. Потому что что-то внутри — держало. Что-то, что было — им. До. До всего. Оно говорило: «Возьми. Не бросай. Как тебя не бросили. Как тебя — не оставили. Как ты — не один. Как все. Как всегда».

— Можно, — сказал он.

Она не улыбнулась. Просто кивнула. И стала смотреть на воду. А Игнат думал о том, что теперь он не один. И что это — хуже, чем он боялся. И лучше, чем он надеялся. И что теперь — всё. Теперь — начало. Теперь — конец. Теперь — он. И она. И лес. И вода. И — всё. И это — было. И это — будет. И это — есть.

Глава 4.

Они шли на север молча.

Не потому, что не о чем было говорить. А потому, что слова — лишние. Игнат понял это сразу. Девочка — тоже. Они просто шли. Рядом. Друг за другом. По мху. По корням. По камням. По тишине. И тишина была — не пустая. Живая. Как всё здесь. Как всё.

Девочка не отставала. Босая, в одной рубаше, по холоду, по сырости, по грязи — шла так, будто всю жизнь только этим и занималась. Игнат смотрел на неё. Украдкой. Не потому, что интересно. Просто — не мог не посмотреть. Она была — загадка. Маленькая. Тихая. Мёртвая. Но — живая. Как он. Как все. Как всегда.

Он не спрашивал, как её зовут. Она не говорила. Он не спрашивал, откуда она. Она не рассказывала. Так было проще. Так было — легче. Слова — это то, что делает больно. Слова — это то, что связывает. А связь — это то, чего он боялся. Больше голода. Больше смерти. Больше — всего. Потому что связь — это потеря. А он не хотел терять. Он не хотел — ничего. Он просто шёл. Как всегда. Как будет. Как было.

К полудню лес поредел. Начались болота. Не те, что с кочками и клюквой, а настоящие — топкие, чёрные, с окнами чёрной воды, из которых поднимался туман. Пахло гнилью. Пахло чем-то древним. Чем-то, что было — до. До леса. До ножа. До голода. До — всего. Чем-то, что было — всегда.

Игнат остановился. Посмотрел на девочку.

— Дальше — трясина. Ты утонешь.

— Я уже утонула, — сказала она.

Он не нашёлся что ответить. Пошёл дальше. Она — за ним. По гати. По брёвнам, брошенным через трясину. Кто-то проложил её давно. Очень давно. Брёвна были чёрные, мокрые, скользкие. Игнат ступал осторожно. Девочка — легко. Как будто шла по сухой дороге. Как будто — не здесь. Как будто — не с ним. Как будто — всегда.

На середине гати он остановился. Впереди, среди болота, стоял остров. Не остров — курган. Насыпь. Древняя, заросшая мхом, с торчащими из неё камнями. И на камнях — знаки. Не кресты. Что-то другое. Что-то старое. Что-то, что было — до. До крестов. До церкви. До всего. Что-то, что было — здесь. Всегда. Как лес. Как вода. Как время.

— Ты знаешь, что это? — спросил Игнат.

Девочка подошла ближе. Посмотрела.

— Это капище, — сказала она. — Здесь жили боги. До того, как их убили.

— Кто убил?

— Ты.

Игнат посмотрел на неё. Она не шутила. Она смотрела на курган. Спокойно. Как на что-то обыденное. Как на что-то, что было — всегда. Как на что-то, что — есть. Как на что-то, что — будет.

— Я не убивал богов.

— Убивал. Не ты лично. Ты — как все. Все убили. Забыли. Перестали кормить. Перестали помнить. Перестали — верить. И они умерли. Не сразу. Постепенно. Сначала — забыли имена. Потом — лица. Потом — то, что они сделали. Потом — то, что они были. И они — исчезли. Как всё. Как всегда. Как все.

Игнат не стал спорить. Он смотрел на камни. На знаки. И чувствовал: что-то здесь есть. Что-то, что смотрит. Не злое. Не доброе. Просто — старое. Очень старое. Как всё здесь. Как всегда.

— Нам туда, — сказала девочка.

— Зачем?

— Там живёт тот, кто тебе нужен.

— Ты знаешь, кто мне нужен?

— Ты идёшь на север. Значит, ищешь того, кто на севере. Я знаю, кто там. Я видела.

Игнат посмотрел на неё. Долго. Потом посмотрел на курган. На камни. На знаки. Потом — на себя. На то, чем он был. Чем стал. Чем — будет. Чем — есть.

— Кто там?

— Ведун. Настоящий. Не тот, к которому ты ходил. Тот — только помнил. Этот — знает.

Игнат подумал. Спрота сказал ему правду. Но не всю. И, может быть, этот ведун скажет больше. Может быть, этот ведун скажет — всё. Может быть, этот ведун скажет то, что он ищет. Двадцать лет. Каждую ночь. Каждое утро. Каждый вздох. То, что он — не находил. То, что он — не мог найти. То, что — было.

— Идём, — сказал он.

Девочка пошла первой. По гати. К кургану. Игнат — за ней. И когда они сошли на остров, он почувствовал: что-то изменилось. Воздух стал другим. Плотнее. Тише. Как будто время здесь шло не так, как везде. Как будто время здесь — стояло. Как будто время здесь — было. Как всегда. Как всё.

На кургане, среди камней, сидел человек.

Спиной к ним. В длинной рубахе, подпоясанной верёвкой. Седая коса — до пояса. Он сидел неподвижно. Как камень. Как всё. Как всегда. Игнат подошёл. Остановился. Девочка — рядом. Человек не обернулся. Просто сказал:

— Я ждал тебя. Долго ждал. Двадцать лет.

Игнат молчал. Он не знал, что сказать. Он никогда не знал. Он просто — ждал. Как всегда. Как будет. Как было.

Человек встал. Медленно. Повернулся. Лицо было старое. Очень старое. Как всё здесь. Как лес. Как время. Но глаза — молодые. Ясные. Серые. Как у девочки. Как у всех, кто был — между. Как у него. Как у — себя.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он.

— Нет.

— И не знал. И не должен знать. Но я знаю тебя. Я знаю всех, кто приходит на север. Потому что все приходят ко мне. Рано или поздно. И ты пришёл.

— Ты — ведун?

— Нет. Ведунов больше нет. Я — тот, кто остался. Последний. Смотритель.

— Чего?

— Могилы. Той, в которой лежат боги. Те, что умерли. Те, что забыты. Я стерегу их. Двадцать лет. И жду тебя.

— Зачем?

Человек подошёл ближе. Посмотрел на Игната. Потом на девочку. Потом опять на Игната. Долго. Молча. Потом сказал:

— Затем, что ты — не упырь. И никогда им не был. Ты — тот, кого они выбрали. Двадцать лет назад. Когда ты убил старого упыря — ты не стал им. Ты стал собой. Настоящим. Тем, кем должен был быть.

Игнат смотрел на него. Не понимал. Не мог понять. Не хотел понять. Потому что понимание — это боль. Понимание — это правда. А правда — это то, от чего он бежал. Двадцать лет. Каждую ночь. Каждое утро. Каждый вздох. Всё. Всегда.

— Я не понимаю.

— И не поймёшь. Пока не увидишь. Иди за мной.

Человек повернулся. Пошёл вглубь кургана. Туда, где камни расступались, открывая вход. Тёмный. Глубокий. Как всё. Как всегда. Игнат посмотрел на девочку. Она кивнула. И он пошёл.

Глава 5.

Вход был узкий.

Пришлось согнуться. Стены — земляные, укрепленные брёвнами. Брёвна были чёрные, как кости. Пахло сыростью и чем-то ещё. Чем-то, что Игнат не мог назвать. Не гниль. Не дым. Что-то древнее. Как будто сама земля здесь дышала. Как будто она — жила. Как будто она — ждала. Как всегда. Как всё.

Смотритель шёл впереди. Без огня. Уверенно. Как будто видел в темноте. Как будто — знал. Как будто — всегда. Девочка — за ним. Игнат — последний. Он не боялся. Он давно научился бояться темноты. Темнота снаружи — ничто по сравнению с темнотой внутри. Он нёс её двадцать лет. В себе. В груди. В горле. В руках. Она была — с ним. Всегда. Как всё. Как всегда.

Коридор вёл вниз. Долго. Стены сужались, потом расширялись, потом сужались снова. Как дыхание. Как жизнь. Как всё. Игнат шёл. Молча. Он не считал шаги. Не считал время. Он просто — шёл. Как всегда. Как будет. Как было.

Потом стены расступились. Они вошли в зал.

Игнат остановился.

Зал был круглый. Большой. Свод — земляной, подпертый столбами. Столбы — чёрные. Как брёвна. Как кости. Как всё. В центре — камень. Огромный. Плоский. Как алтарь. На камне — ничего. Просто камень. Серый. Тёплый. Как будто живой. Как будто — ждал. Как всегда. Как всё.

Но вокруг него, по кругу, в земле были ямы. Неглубокие. И в каждой яме — кости. Человеческие. Много. Сотни. Может, тысячи. Они лежали. Ровно. Спокойно. Как будто спали. Как будто — ждали. Как будто — всегда. Как всё.

Игнат смотрел. Молча. Долго. Он не считал. Не мог. Их было слишком много. Сотни. Тысячи. Мужчины. Женщины. Дети. Все — здесь. Все — вместе. Все — в одной яме. В одной земле. В одном зале. В одном — времени. В одном — всегда.

Смотритель стоял рядом. Смотрел на него. Девочка отошла в сторону. Села у стены. Как будто знала это место. Как будто была здесь раньше. Как будто — всегда. Как всё.

— Что это? — спросил Игнат.

— Это они, — сказал Смотритель. — Те, кого ты убил. За двадцать лет. Все здесь.

Игнат не поверил. Посмотрел на кости. Их было слишком много. Сотни. Может, тысячи. Он не мог убить столько. Не мог. Не хотел. Не — помнил. Но голос в голове — тот, который всегда молчал в такие моменты, — заговорил. Тихо. Но внятно. Как всегда. Как будет. Как было.

— Убил. Ты просто не помнишь. Потому что не ты убивал. Он. Тот, кем ты стал. Тот, кого ты в себе носишь.

Игнат молчал. Смотрел на кости. Потом на Смотрителя. На старика. На седого. На того, кто — знал. Кто — всегда знал. Кто — ждал.

— Зачем ты мне это показываешь?

— Чтобы ты увидел. Пока не увидишь — не поймёшь. А не поймёшь — не выберешь.

— Что выбрать?

— То, что ты должен был выбрать двадцать лет назад. Тогда ты выбрал жить. Но не выбрал, как жить. Ты просто поплыл. По течению. Убивал, потому что голоден. Прятался, потому что страшно. Бежал, потому что не знал, куда идти. Двадцать лет. И всё это время — не жил. Существовал. Как зверь. Как упырь. Как все. Как всегда. Но не как человек.

Игнат смотрел на него. Голос в голове молчал. Впервые за долгое время — молчал. Как будто ждал. Как будто — знал. Как будто — всегда. Как всё.

— И что теперь? — спросил Игнат.

— Теперь ты можешь выбрать. Или остаться тем, кто ты есть. Или стать тем, кем был. Или стать чем-то третьим. Тем, кем тебя сделали боги. Когда выбрали.

— Боги умерли.

— Умерли. Но выбор — остался. Они оставили его здесь. В этом камне. В этой земле. В тебе. Ты — не случайность. Ты — их последний выбор. Последний шанс. Или последнее проклятие. Как посмотришь.

Игнат подошёл к камню. Посмотрел на него. Простой камень. Серый. Тёплый. Как всё. Как всегда. Но когда он протянул руку — камень отозвался. Теплом. Как будто живой. Как будто — ждал. Как будто — всегда. Как всё.

— Что я должен сделать? — спросил он.

— Ничего, — сказал Смотритель. — Просто вспомнить. Всё. Что было. Что ты сделал. Что ты убил. И кого. И тогда — выбрать.

Игнат положил ладонь на камень.

И вспомнил.

Двадцать лет назад. Лес. Ночь. Он молод. Он охотник. Лучший. Он идёт по следу. Упырь. Старый. Он должен убить его. Он входит в берлогу. Упырь сидит. Смотрит на него. Не сопротивляется. Игнат поднимает нож. Упырь говорит:

— Ты уверен?

Игнат не отвечает. Убивает.

Потом — темнота. Он лежит на земле. Рядом — тело упыря. Но что-то не так. Он жив. Он не должен быть жив. Но он жив. И что-то в нём изменилось. Что-то, что было в упыре. Перешло в него. Как будто упырь не умер. Как будто он просто... вошёл. В него. В Игната. В — всё. В — всегда.

Игнат вспомнил всё. Каждого, кого убил. Каждую деревню, которую опустошил. Каждого ребёнка. Каждую женщину. Каждого мужика. Каждую смерть. Каждую кровь. Каждую — боль. Он вспомнил. И это было — невыносимо. Как всё. Как всегда. Как — он.

Он убрал руку. Отшатнулся. Упал на колени. Смотритель не двинулся. Девочка не двинулась. Всё — не двинулось. Как всегда. Как будет. Как было.

— Теперь ты знаешь, — сказал Смотритель. — Теперь ты видишь.

Игнат не ответил. Он смотрел на свои руки. На ладони. На пальцы. Он видел кровь. Хотя крови не было. Как всегда. Как всё. Как — он.

— Я — чудовище, — сказал он.

— Да, — сказал Смотритель. — И нет. Ты — тот, кто стал чудовищем. Но не родился им. И не умрёшь им. Если выберешь.

— Как выбрать?

— Останься. На три дня. Здесь. В этом зале. С этими костями. Смотри на них. Слушай их. И на третий день — ты узнаешь. Или уйдёшь. Или умрёшь. Или станешь тем, кем должен был стать двадцать лет назад.

Игнат посмотрел на кости. На камень. На Смотрителя. На девочку. Она смотрела на него. Спокойно. Как всегда. Как всё. Как — он.

— Хорошо, — сказал он. — Я останусь.

Смотритель кивнул. Повернулся. Пошёл к выходу. Девочка встала. Пошла за ним. У выхода она обернулась. Посмотрела на Игната. Долго. Молча. Потом сказала:

— Я вернусь. На третий день.

И ушла.

Игнат остался один. В зале. С костями. С камнем. С тишиной. С собой. Как всегда. Как будет. Как было.

Он сел. Прислонился к камню. Закрыв глаза. И стал ждать.

Глава 6.

Первый день был долгим.

Игнат сидел у камня и смотрел на кости. Он не двигался. Не спал. Не ел. Он просто смотрел. И слушал.

Сначала было тихо. Так тихо, как бывает только под землёй. Ни ветра. Ни птиц. Ни воды. Только его дыхание. Только стук сердца. Только — тишина. Густая. Плотная. Как вода. Как время. Как всё. Он слушал её. Молча. Долго. Как всегда. Как будет. Как было.

Потом началось.

Он услышал голоса. Не в голове. В зале. Тихо. Как будто кто-то говорил с другого конца комнаты. Он не разбирал слов. Только интонации. Кто-то плакал. Кто-то звал. Кто-то просто молчал. Но молчал так, что это было громче крика. Как всё. Как всегда. Как — он.

Игнат закрыл глаза. Голоса не исчезли. Они стали ближе. Он услышал:

— Помоги.

Он открыл глаза. Перед ним никого не было. Только кости. Серые, старые, разбросанные по ямам. Только камень. Тёплый. Живой. Только — тишина. Но голос — был. Он не исчез. Он звучал. Внутри. Снаружи. Везде. Как всегда. Как всё. Как — он.

— Помоги, — сказал голос снова.

Игнат не ответил. Что он мог сказать? Он не мог помочь. Он был причиной. Не он лично — тот, кем он стал. Но разве это разница? Для мёртвых — нет. Для костей — нет. Для голосов — нет. Для всего — нет. Как всегда. Как будет. Как было.

Он встал. Прошёл по залу. Медленно. Смотрел на кости. На черепа. На руки. На рёбра. На то, что осталось. От жизней. От людей. От — всего. Он не знал их имён. Не помнил их лиц. Но они были. Были людьми. Были живыми. А теперь — лежали здесь. Из-за него. Из-за того, кем он стал. Из-за — себя.

Он остановился у одной ямы. Маленькие кости. Ребёнок. Лет пяти. Мальчик или девочка — не понять. Он смотрел долго. Потом сел рядом. На землю. И сказал:

— Прости.

Слово прозвучало глупо. Как будто он извинялся за то, что наступил на ногу. Но другого слова не было. Он сказал то, что мог. То, что умел. То, что — было. Как всегда. Как всё. Как — он.

Голоса стихли. Все. Сразу. Как будто ждали. Как будто — знали. Как будто — всегда. Игнат сидел. Молчал. Потом лёг на землю. Рядом с ямой. И закрыл глаза. Он не спал. Но и не бодрствовал. Он был где-то между. Как всегда. Как всё. Как — он.

И в этом «между» он увидел лес. Ночь. Себя. Молодого. С ножом. Упыря. Старого. Который смотрел на него. И не сопротивлялся. Который сказал:

— Ты уверен?

Игнат — тот, молодой, — не ответил. Поднял нож. Упырь не отвёл взгляда. Сказал:

— Ты не убиваешь меня. Ты занимаешь моё место. Ты станешь мной. И будешь делать то, что делал я. Только хуже. Потому что ты будешь помнить.

Молодой Игнат не слушал. Ударил. Упырь упал. И тогда — темнота. Густая. Плотная. Как вода. Как время. Как всё.

Игнат открыл глаза. Он лежал на земле. В зале. С костями. Один. Голоса молчали. Он понял: это был не сон. Это было воспоминание. То, что он забыл. То, что упырь сказал ему перед смертью. То, что — было. Всегда. Как всё. Как — он.

Он сел. Посмотрел на камень. Камень был тёплый. Как всегда. Как будто живой. Как будто ждал. Как будто — знал. Как будто — всегда.

— Я понял, — сказал Игнат. — Я не убил его. Я стал им. Я не убил чудовище. Я занял его место.

Камень не ответил. Но Игнат почувствовал: что-то изменилось. Что-то внутри. Как будто треснуло. Как будто что-то, что держало его двадцать лет, — отпустило. Как всегда. Как всё. Как — он.

Он встал. Прошёл по залу. Снова. Посмотрел на кости. На этот раз — без ужаса. Без вины. Просто смотрел. Как на факт. Как на то, что было. Как на то, что он сделал. Как на то, что — есть. Как на то, что — будет. Как всегда. Как всё. Как — он.

— Я не прошу прощения, — сказал он. — Я не заслужил. Я просто... знаю. Теперь знаю.

Голоса молчали. Кости лежали. Камень был тёплый. Всё — было. Как всегда. Как будет. Как было.

Игнат сел обратно. Прислонился к камню. Закрыл глаза. И стал ждать второго дня. Как всегда. Как всё. Как — он.

Глава 7.

Второй день был тише.

Игнат не двигался. Не открывал глаз. Он просто сидел. И слушал. Не голоса. Себя. То, что было внутри. То, что он двадцать лет называл «голосом». То, что он ненавидел. То, что он боялся. То, что — было. Всегда. Как всё. Как — он.

Он слушал. И вдруг понял: это не голос. Это он сам. Тот, кем он стал. Не упырь. Не чудовище. Не что-то чужое. Он. Игнат. Тот, кто выбрал жить. Тот, кто не захотел умирать. Тот, кто боялся. Тот, кто — был. Всегда. Как всё. Как — он.

Он открыл глаза. Посмотрел на камень.

— Ты — не он, — сказал он. — Ты — я. Это я убивал. Это я прятался. Это я боялся. Это я — чудовище. Не он. Я.

Камень молчал. Но Игнат знал: это правда. Он всегда знал. Просто не хотел признавать. Проще было думать, что в нём живёт что-то чужое. Что он — жертва. Что он не виноват. Но это была ложь. Он был виноват. Он выбрал. Двадцать лет назад. И каждый день после этого. Каждый раз, когда убивал. Каждый раз, когда прятался. Каждый раз, когда говорил себе: «Это не я». Это было — я. Это было — он. Это было — всегда. Как всё. Как — он.

Он закрыл глаза. И заплакал. Впервые за двадцать лет. Он не помнил, когда плакал последний раз. Может, никогда. Может, в детстве. Может, вообще не плакал. Но сейчас — плакал. Тихо. Без звука. Слёзы текли по лицу, и он не вытирал их. Как всегда. Как всё. Как — он.

Он плакал долго. Потом перестал. Открыл глаза. Посмотрел на камень. Камень был тёплым. Как всегда. Как будто живой. Как будто — знал. Как будто — ждал. Как будто — всегда.

— Что теперь? — спросил он.

Ответа не было. Но Игнат знал: ответ придёт. На третий день. Как всегда. Как всё. Как — он.

Третий день начался с шагов.

Игнат открыл глаза. В зал входила девочка. Одна. Без Смотрителя. Она подошла. Села рядом. Молча. Как всегда. Как всё. Как — она.

— Ты вернулась, — сказал Игнат.

— Я обещала.

Она смотрела на кости. Спокойно. Как всегда. Как будто — знала. Как будто — ждала. Как будто — всегда.

— Ты знала, что я здесь найду?

— Да.

— Откуда?

— Потому что я тоже здесь была. Когда-то. Давно. Я тоже сидела. Три дня. И тоже выбирала.

Игнат посмотрел на неё. Внимательно. Впервые. Как всегда. Как всё. Как — он.

— Ты была здесь? До того, как утонула?

— Нет. После.

— И что ты выбрала?

— То же, что выберешь ты.

— А что я выберу?

— Не знаю. Но знаю, что выберешь. Потому что ты — как я. Ты — не хочешь быть чудовищем. Но и не хочешь умирать. И это — самое трудное. Потому что третьего нет. Или чудовище. Или смерть. Или... что-то, чего мы не знаем.

Игнат молчал. Смотрел на камень. На кости. На девочку. На всё. Как всегда. Как будет. Как было.

— Я не хочу быть чудовищем, — сказал он.

— Знаю.

— И не хочу умирать.

— Знаю.

— Тогда что?

Девочка встала. Подошла к камню. Положила на него ладонь. Закрыла глаза. Долго стояла. Молча. Как всегда. Как всё. Как — она.

— Тогда — жить. Не как чудовище. Не как человек. Как что-то другое. Как тот, кто знает. Кто помнит. Кто не прощает себя. Но и не убивает себя. Кто несёт. Кто идёт. Кто не прячется. Кто не бежит. Кто просто — есть. Как камень. Как лес. Как вода. Как время. Как всё. Как — он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.